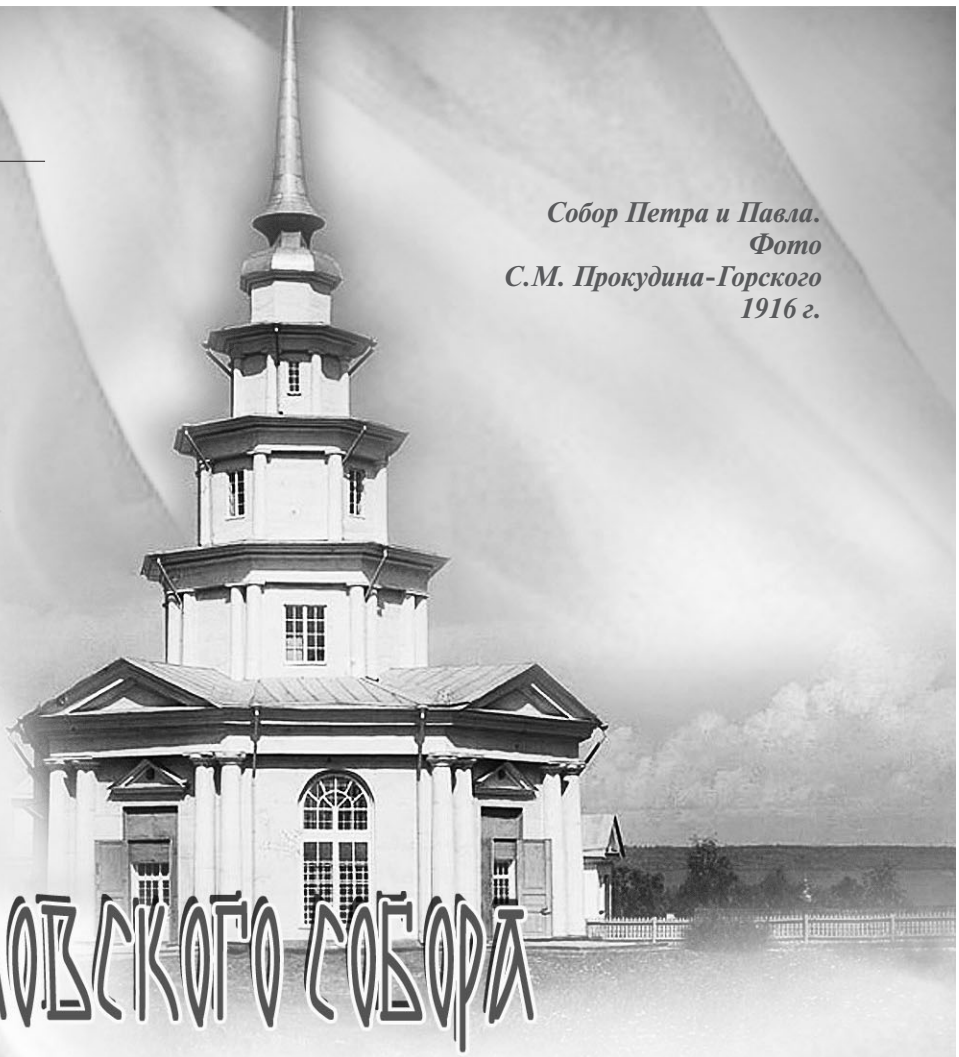
Михаил ДАНКОВ
г. Петрозаводск



Собор Петра и Павла. Фото С.М. Прокудина-Горского 1916 г.

Загадочная вуаль Петропавловского собора

Исследователи не одно столетие с замиранием сердца рассуждают о величии новоманерного храма во имя первоверховных святых апостолов Петра и Павла, который был возведен на берегу Онежского озера на территории современного Петрозаводска. В действительности не все оказывается так просто и однозначно. Дело даже не в том, что собор, построенный в начале XVIII века на земле Шуйского погоста, сгинул в первые годы советской власти и мы обращаемся к нему словно к историческому фантому. Гораздо существеннее, что архивная история храма в узловых точках по-прежнему находится под «вуалью времени».

До сих пор нет четких представлений как о рождении, так и о разрушении собора. Как ни крути, мы не в состоянии уверенно ответить, когда именно храм был возведен, когда был освящен, кто оказался его архитектором, какая артель его сооружала, сохранились или нет строительные чертежи уникального сооружения. Мы не способны вообразить точный первоначальный вид собора. По-прежнему неизвестно, кто из русских, а может, иноземных мастеров, расписывал его тройной иконостас. До сих пор невозможно поименно назвать состав церковного клира собора.

Не менее любопытны, хотя более трагичны, финальные дни храма. По сведениям богоборца В.Клишко, известно, что древнейшая знаковая постройка Петрозаводска по нелепости в 1925 г. (по другим данным, в октябре 1924 г.) была уничтожена пламенем. Так ли это было и куда пропали убранство собора, его утварь, иконы петровского времени, славные реликвии и святыни, не успевшие сгореть? Горько сознавать, что, скорее всего, они были растащены, а затем безвозвратно канули в революционном атеистическом угаре. Вероятно, мы навсегда утратили и нетрадиционную для православной культуры кафедру перед алтарем, с которой произносились проповеди, а вместе с ней и скамьи для прихожан.

Между тем сегодня хочется отметить ряд поразительных, хотя недостаточно изученных сюжетов. Нас продолжает волновать композиционное родство и синхронность основания Петропавловского собора «на Олонце» с храмом Петра и Павла, освященным 1 апреля 1704 г. на невском Заячьем

острове (*фин.* Jaennissaari). Об этом родстве свидетельствует сохранившийся рисунок онежского храма с впечатляющей «остроконечной башней в голландском стиле», выполненный неизвестным художником. Вероятно, таким в 1785 г. наш собор увидел академик Н.Я. Озерецковский. Это самое древнее известное изображение Петропавловской церкви в Петрозаводске. Путешественник приватно получил раритет от академика П. Б. Иноходцева, а затем в 1792 г. опубликовал его в своем труде «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому». Однако как выглядел новоманерный храм изначально, во времена царя Петра, с уверенностью сказать невозможно. Других архаических гравюр, чертежей, рисунков или литографий заводской церкви просто не сохранилось.

В то же время безусловная схожесть деревянных храмов подтверждается иным уникальным гравюрным материалом. Речь идет о сохранившихся изображениях первого собора Петербурга, гравюре 1703 г. фасада церкви Петра и Павла неизвестного художника, а также работе Н.Ф.Челнакова, опубликованной в 1779 г.

Архитектурная близость онежского и невского сооружений свидетельствует о вкусах и эстетических привязанностях молодого государя, который подсмотрел образцы «божьих зданий» на Западе, во время Великого посольства. Однако церковь на Неве, расписанная под желтый мрамор, освященная новгородским митрополитом Иовом, все же ярко отличалась от олонецкой. Основная нестыковка заключалась в геометрии фундаментов храмов. Подошва церкви у Шуйского завода имела вид правильного восьмигранника, а основание столичного собора св. апостолов Петра и Павла походило на правильный крест. Тем не менее заводской храм «нового строя» и его невский кафедральный собрат превратились в знаковые архитектурные памятники раннего петровского времени на Русском Севере.

Сегодня есть желание обратить внимание еще на один, теперь ономастический, но скорее политический и идеологический прецедент. Никто из исследователей ранее не замечал, что наша посадская православная Петропавловская «церьковъ божа(і)я» чудесным образом находится в коридоре легендарной «Осударевой дороги». Царский маршрут на запад действительно начался у новоманерного Петропавловского храма, который архиепископ Афанасий в день Святой Троицы 29 июня 1702 г. освятил на Сев. Двине. Завершился государев путь закладкой также 29 июня 1703 г. еще одного собора во имя апостолов Петра и Павла, но уже на земле будущего царствующего града. В ходе марша в шведскую Ингрию царь 5 сентября 1702 г. у Александровской пристани на Свири (современный г. Лодейное Поле) заложил очередной Петропавловский храм. Таким образом, выстраивается фантастическая картина. Четыре новоманерных православных собора Петра и Павла появились единовременно и феноменально выстроились по воздушной линии, совпадающей не только с азимутом «Осударевой дороги» Петра Великого, но и с границей Шведского королевства, чьи подданные исповедовали лютеранство.

Представляется, что, помимо религиозной и военной целесообразности, а Россия вела тогда кровавую Северную войну (1700–1721), загадочное меридиональное строительство Петропавловских соборов имело и другие смыслы, оно связано с сакральной системой координат и православно-мифологической географией Русского Севера. Храмы живописно соединили периферию с создаваемым центром и превратились в некие «петропавловские» знаки на шведской границе. Они сформировали новое культурно-историческое пространство, тем самым своеобразно прикрыли «молодую» Россию от религиозной экспансии.

Между тем вернемся к замысловатым обстоятельствам строительства холодной «осьмигранной, круглой, с четырьмя уступами» церкви в непосредственной близости от возводимого под присмотром горного мастера Я. Власова, казенного Шуйского, с 1713 г. Петровского завода. Обустройство «Города» находилось «под глазом» олонецкого коменданта И.Я. Яковлева и его помощника А.С. Чоглокова, а решения визировались ижорским губернатором А.Д.Меншиковым. Это обстоятельство родило расхожий миф, будто к строительству Петропавловской церкви приложил руку Меншиков, кавалер и герой атаки Нотебурга, или даже сам государь. Однако подлинных архивных свидетельств, подтверждающих инициативы Петра I или генерал-губернатора в закладке храма, пока не обнаружено.

Как бы там ни было, с лета 1703 г. в мазанковых казармах на береговой террасе Онежского озера стали селиться кузнецы-оружейники бывших фоймогубских железоделательных мануфактур гамбуржанина А. Бутенанта фон Розенбуша и работный люд, прибывавший из метрополии. Эти люди и стали первыми прихожанами Петропавловской церкви, сделанной на голландский манер.

Среди известных иноземцев в начале XVIII столетия в заводском посаде обосновались мастера молотовых дел Я. и А. Бланки, Я. Берг, Л. Бенк, Д.Гурыль, приказчики А. и П. Берги, Г. Традель, горные мастера И. Блиэр, Г. Шонфиндер и И.Бляшмит. Здесь прославились пушечный мас-

тер Я. Персон, оружейные мастера Ю. Вольтман, В. и Я. Грепель, И. Вульф, Х. Эбелинг и Д. Калк, мастер по шпажным и эфесным ножнам Я. Фридрих, мастер по ружейным ложам Я. Фук. Можно выделить также плотинного мастера И. Меншака, проволочных мастеров А. Нитцеля и Т. Муллера, якорных мастеров Р. Фолия и М. Крепса и многих других.

Начальное описание онежского собора св. Петра и Павла, к сожалению, не сохранилось. Наиболее древние, хотя и разрозненные сведения содержатся в архивных материалах Берг-коллегии и относятся к 1727 г. Так, новоманерная деревянная церковь, скорее всего, стояла на точечном валунном фундаменте. Над первым восьмигранным срубом последовательно возвышались еще четыре уменьшающихся восьмерика. Каждый объем «круг оных уступов» завершался обходной галереей с резным парапетом, «балясы точеные, покрытые по уступам тесом».

Многоярусные гульбища являлись смотровыми площадками, которые позволяли любопытным совершать обзорные экскурсии на разной высоте и рассматривать панораму округи. Верхний ярус собора завершался не обычным для северной архитектуры шатром, а западным иглообразным шпилем, на Руси прозванным «шпицей». К особенностям церкви относятся 24 проема со «слюдяными оконницами», которые точечно освещали иконостас и внутренний интерьер. Однако сведений о самом иконостасе храма почти не сохранилось. Известно лишь, что в конце XVIII столетия иконы размещались в деревянном резном с позолотою корпусе. Древние иконы, часть из которых, как считается, оказались в храме из походной церкви царя Петра, в 30-х гг. XIX столетия были описаны архиепископом Олонецким Преосвященным Игнатием (в миру М.А.Семенов). Между тем, скорее всего, сами иконные ряды писались «чужестранными живописцами», оказавшимися в крае с начальной волной волонтеров и мастеров. Во всяком случае одна из наиболее раритетных икон собора, лик Иоанна Богослова, имеющая строчную надпись латинскими буквами «Iohannes», без сомнения, создана рукой иноземца.

Вертикаль собора до шпиля составляла 11 саженей, а высота самой «шпицы» равнялась около 8 саженей. Это значит, что суммарный взлет олонецкого храма достигал 40,5 м, что позволяло собору доминировать над «горизонтальным» заводским посадом, уступами спускающимся к Онежскому озеру. Основательность церкви в рабочей слободе на долгое время превратила ее в наблюдательную башню. И не только. Речь идет об устройстве на верхней площадке мощного фонаря с зеркалами в слюдяном футляре. По ночам свет маяка помогал грузовым гарбусам и шнявам, нагруженным железной рудой, древесным углем или известью, обходить озерные корги и благополучно швартоваться у заводской пристани.

Как ни странно, корабельный маяк, смонтированный на раннем этапе строительства храма, позволяет уточнить хронологию закладки Петропавловского собора. Не имея подлинных архивных материалов о времени возведения храма, специалисты, опираясь на эмпирический анализ и сравнительный опыт, допускают значительный разброс в дате закладки собора от 1703 до 1711 г.

Упомянем любопытную гипотезу Ю.Ю. Карма, считающего, что новоманерный храм в слободе после 1706 г. проектировал учитель Петра, московский зодчий М.И. Чоглоков. Якобы художник Оружейной палаты Кремля, ранее руководивший строительством Сухаревой башни и Арсенала, мог по запросу «виц-коменданта» А.С. Чоглокова, своего двоюродного брата, быть командирован к Шуйскому заводу.

Нам же хочется предложить иную версию и отметить возможность более раннего «зачатия» собора. В этом смысле упомянем недавно обнаруженную в РГАДА депешу А.Чоглокова, адресованную А.Меншикову. И пусть сама бумага от 28 августа 1704 г. сообщает вовсе не о строительстве церкви, а о возведении заводской пристани: «пристань на Шуйских заводех и иное всякое строение строят во всем без остоновления». Документ, по нашему мнению, имеет самое прямое отношение ко времени закладки собора апостолов Петра и Павла у Онежского озера.

Реляция позволяет допустить, что православная церковь с маяком у «спицы» и заводская пристань посада возводились в 1704–1705 гг. единовременно. Ведь маяк и пристань по своим функциям являются единым комплексом. Эти строения взаимозависимы, они по праву могут считаться наиболее архаическими постройками «города-завода». Как бы там ни было, Петропавловский собор с мирским маяком в верхней части помогал судам безошибочно подходить к пристани. В то же время церковь с навигационным оборудованием причудливо соединяла «духовную жизнь» заводских людей и обожаемую монархом «государственную пользу».

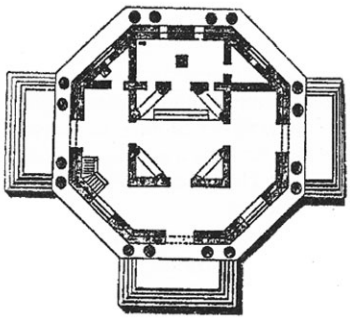
Представляя неканоничное убранство новоманерного храма, западный шпиль да еще и маячное оборудование, приходишь к мысли, что вид церкви провоцировал православных прихожан и одновременно находил отклик у большинства иноземных жителей слободы, похожей на евро-

пейскую факторию. В отличие от тульских, каширских, алексинских и павловских заводов, первопоселенцами здесь являлись саксонские, датские и голландские специалисты фоймогубских заводов, а также иностранные мастера, «выписанные» из-за рубежа и присланные из Ингерманландской канцелярии.

Слободская церковь в Петровском посаде получила имя св. апостолов Петра и Павла, в честь небесного покровителя государя, ап. Петра, обычно упоминаемого с ап. Павлом. Храм имел три придела на двух ярусах. Внизу располагался придел во имя апп. Петра и Павла. Два других размещались на хорах, справа – Алексия, Божия человека, слева – св. благоверного князя Александра Невского. Верхние приделы названы в честь покровителя царевича Алексея Петровича и губернатора Шлиссельбургского и Шлотбурского А. Меншикова, которые вместе с царем в августе 1702 г. преодолели «Осудареву дорогу».

Кстати, «Чертеж Петровских заводов...», выполненный в 1720-х гг. артиллеристом М.М. Витвером, рядом с Петропавловской церковью под литерой «30» отметил «Часовую башню». Очевидно, речь идет о вскоре возведенном теплом деревянном Святодуховском соборе, который имел «снизу четырехугольную» колокольню «с точеными балясы», оснащенную самоходным часовым механизмом. Эти строения, находившиеся на территории современного Парка культуры и отдыха, и образовали религиозный центр заводского посада. Во всяком случае архивная «Роспись», что комендант Л.Сытин принял от комиссара И. Тормасова, датируемая 1713 г., отмечает «2 церкви с принадлежащим строением и утварью».

Первоначальный вид Петропавловского собора в С.-Петербурге. С рисунка, приложенного к «Описанию Петербурга» Рубана.



Вид Петропавловского собора XIX-XX вв.

А теперь прикоснемся к занимательной истории олонецких соборных механических колоколов. Наши куранты, и это еще одна параллель с Петербургом, с очевидностью походили на часовые колокола церкви «видом крестообразной, о трех шпицах» в дельте Невы. Там часовой механизм в сопровождении «часовых дел мастеров» в 1704 г. был доставлен из Троице-Сергиева монастыря и через год смонтирован на соборе.

У нас же колокольная история получила почти детективное развитие. В ноябре 1727 г. из-за купленного «в давних годах... в царствующем граде Москве» медного колокола «весом 39 пуд» для «города Олонца», но «незнаемо каким случаем» попавшего на колокольню «при церквах Олонецких Петровских заводов», началась упорная тяжба.

Ландрат Г. Муравьев сообщал бергсоветнику В. Райзеру о запутанном сюжете попадания в 1703 г. колокола «с Олонца» в Лодейное Поле, а затем «на судах... с Олонецкого верфу на Петровские заводы». Он подчеркивал, что казенных средств, чтобы вернуть колокол «в олонецкую соборную церковь, не дано».

Тогда же В. Райзер с заискиванием просил Берг-коллегию оставить колокол на заводах. Советник писал: «На оных заводах при церквах 14 колоколов», однако без того чудесного «олонецкого» колокола, который соединен «часовыми колесами» и прочими «препорциями» в единый механизм, «никак невозможно». Ведь «в литургии» и «для слуху часов мастеровым и работным людям» звук «малых по весу»

колоколов «будет не слышен». Однако многолетний спор завершился 24 марта 1730 г. и «означенный колокол» с церкви Петровских заводов было велено «в олонецкую соборную церковь отдать по прежнему с распискою».

Между тем сохранившийся «часовой боевой молот» по предложению столичных чиновников перевели «на другой колокол», который «при церкви Петровских заводов имеется». Представляет интерес и дальнейшая колокольная история. В 1754 г. священник соборной церкви Петра и Павла Трофим Матфеев настоял из-за малого количества «медных колоколов» отлить «с подпискою» еще один, весом «с грязью и обтирками медь шесть пуд». С этой целью обер-комиссар Олонецких Петровских заводов швед В. Бланкенгаген, бывший лейтенант армии Карла XII, попавший в плен под Полтавой, предъявил «протокол» надсмотрщику Е. Дейхману и запретил употреблять «написанную медь» на «другие расходы».

Что касается самого собора и прихода, судьба их после окончания Северной войны и массового оттока посадских людей на Сестрорецкие заводы и за Урал достаточно плачевна. Скажем, еще в 1732 г. по запросу Коммерц-коллегии администрация рапортовала, что число дворов в заводском посаде «состоит малое» и «церковнослужители приходом себя продовольствовать не могут».

Первая «починка» слободской церкви началась в 1738 г. Исходя из протокола бергпробиера А.Шамшова, отметившего ветхость в «святых Божиих казенных церквах», надсмотрщик Петр Бейер обязывался летом «за плакатную цену» начать «починивать» сходы, паперть и кровлю Петропавловского храма. Через год приступили к ремонту колокольни при Петровской церкви, однако она оказалась «ветха и гнила» и ее пришлось разобрать и возвести новую «рубленую колокольню».

Замирание жизни петрозаводской слободы привело к созданию «протокола» следственной комиссии от 4 августа 1771 г. «о численности прихода Петропавловской церкви и о прекращении впредь выдачи церковнослужителям казенного денежного жалованья». Казуистический документ из Национального архива республики объяснял, что храм при заводе «состоит ружный» (т.е. без земли) и не является приходским, поэтому «числится в казенном содержании». Таким образом, священнослужители Петропавловской церкви, лишившись жалованья, были обречены на жалкое существование. До наших дней дошел и другой удивительный документ за подписью главного командира Олонецких заводов А.С. Ярцова. Зная, что Лаврентий Степанов, дьякон церкви св. апостолов Петра и Павла, «носит худую нагольную шубу» и не отличается «от простого крестьянина», Ярцов в мае 1773 г. вынес неожиданный вердикт. Он обратился к рядовым служащим «при здешнем заводе разного чина», чтобы народ «доброхотно» для содержания клира из «окладного своего жалованья» выделял «от каждого рубля по копейке». Помогла ли эта инициатива, нам неизвестно, сведений об этом не сохранилось.

Между тем росчерк олонецкого начальника стоит еще на одной «роскошной» реляции. Суть документа в том, что мастеровых завода «в каждый высокоторжественный, праздничный и воскресный день» после переклички необходимо водить в церковь «строем с надзирателем». За непослушание и отказ «ежели ж кого из них не будет» на следующий день власти «штрафовали по законам». Нас, жителей XXI столетия, поражает циничный «выверт» командира, заставляющий рабочих шеренгами ходить в Петропавловский храм.

Что касается очередного ремонта церкви, хочется упомянуть ордер «О починке Петропавловской церкви» обер-прокурора правительствующего Сената М.Ф. Соймонова, отправленный в 1772 г. на имя того же А.С. Ярцова. Документ требовал «на память позднейшим временам и знак трудов и тщания Петра Великого» собор Петра и Павла перестроить, «всходы на кровлю положить» и для консервации выкрасить. Подряд на починку в марте 1772 г. получил Т.Копалин, государственный крестьянин Корельской трети из д. Илемсельга. Ему предписывалось со «своими работными людьми» и «приуготовленным казенным лесом» снаружи «для сбережения от мокроты» собор перекрыть новым тесом. Впервые после возведения храма в нач. XVIII в. умелец брался «шпиц и на нем крест» аккуратно снять, переделать, а затем обить «готовою казенною жестию» и вновь «порядочным образом» водрузить на прежнее место. Мастер обещал «вокруг тоя церкви» обновить «галерейные переходы и крыльцы», а также сам храм «вновь… балясинами обнесть». Реконструкцию Петропавловского храма «начав ныне», планировалось завершить «наивозможно скорее». И действительно, к середине июня 1772 г. администрация сообщила в Канцелярию Олонецких Петровских заводов, что «реченый» плотник «состоящую при здешнем заводе Петропавловскую церковь» быстро «починкою исправил». В результате «дотягиваний» собор сохранил «нарочитую вышину» и четыре наружных «с выкрашенными балясинами и перилами» яруса. Площадки имели «от одного до другого перехожие лестницы», но главное, плотники уберегли «высокий шпиц». Тем не менее уди-

вительная скорость работ артели Т.Копалина не смогла гарантировать качество.

В сентябре 1789 г. был заключен новый договор на «переделку» храма. Олонецкое наместничество в лице асессора И. Сердешнева, архитектора Ф. Крамера и протоиерея Петропавловского собора Г. Федорова заключили сделку с крестьянами Ярославского наместничества М. Васильевым и М. Григорьевым. Бригада «с наемными… людьми губернского Петрозаводска» обязывалась переправить «старую Петропавловскую холодную церковь» и для этого «подвести фундамент каменный», а нижний ярус обложить кирпичом и «доски для укрепления прибить».

Говоря о жизни собора в екатерининское время, нельзя умолчать о скандале, связанном с особым религиозным климатом в крае. В журнале «Олонецкого губернского магистрата» за 1783 г. находим любопытный запрет исполнять раскольнику Е.Псковитинову обязанности ратмана Петрозаводского городового магистрата. Забавный документ, составленный протоиереем, отмечал, что избранный ратман якобы отказался в Петропавловском соборе целовать церковные православные книги, предпочтя приложить губы к «принесенным с собою» старообрядческому «Евангелие и кресту».

В XIX столетии храм во имя святых апостолов Петра и Павла также пережил множество новаций. В 1826–1829 гг. деревянная крыша церкви была покрыта кровельным железом, строители уложили новый пол, подготовили площадки к трем входным дверям и укрепили иконостас. Через двадцать лет, в 1855–1856 гг., по решению Синода осуществили очередную «поправку Петропавловского собора». Теперь остроконечный шпиль был более тщательно «обит белым листовым железом», и на нем водрузили другой «вызолоченный крест с яблоком». Тогда же особое внимание уделили внутреннему убранству храма. Святые иконы были «возобновлены» и одновременно «перезолочены» все три иконостаса. Однако летом 1871 г. вновь потребовалось вмешательство рабочих. Вместо штукатурки верхние четыре яруса храма обили «листовым железом с окраскою», заменили крышу, а в алтаре сняли престол. В день 200-летия со дня рождения Петра Великого, 30 мая 1872 г., возвращенный престол собора вновь освятили.

Завершая рассказ о храме со «спицей», отметим, что в петровское время культ апостолов Петра и Павла действительно приобрел государственное значение и широкое распространение на пограничных землях России. Петропавловские соборы, тезоименные центры и города превратились в своеобразные сакральные знаки освоенного пространства. Возведение в провинции, на береговой террасе Онежского озера, «новоманерного» Петропавловского храма с «западными» атрибутами оказалось созвучно строительству многих патрональных соборов, в том числе и в будущей имперской столице новой России.

□

Михаил Юрьевич ДАНКОВ
родился в 1954 г. в Архангельске.
Окончил Петрозаводский государственный университет.
Научный сотрудник Национального музея Республики Карелия.
Автор 190 печатных научных трудов по истории и культуре Русского Севера.
Публиковался в журналах «Север», «Carelia», «Музеи России», «Цитадель», «Гангут», «Кортик», «Экохроника», «Чело», «Рейтар», «История в подробностях».
Работа поддерживалась Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса), Шведским институтом (Стокгольм), Национальным музеем Мальты (Ла Валлетта), Восточно-европейским архивом при университете г. Бремена (Германия).
Научный руководитель исследовательского проекта «Осударева дорога», действительный член Русского Географического общества, член Союза дизайнеров России.